случае мы сталкиваемся с первой операцией – пониманием, во втором – с суждением, в третьем – с умозаключением. К суждению метод свести очень легко, так как метод есть тот вид деятельности ума, когда мы судим о том, что некая наука должна быть упорядочена определенным способом.

722 – Запомни следующее. Существуют только три операции разума, потому что существуют именно столько способов отношения разума к вещам умопостигаемым. Или разум обращается к ним, не прибегая к суждению, или прибегая к нему. В первом случае – это понимание, во втором – суждение может быть без подтверждения, т.е. собственно суждение, с подтверждением – рассуждение. След. и т.д.

Ты скажешь, что метод представляет собой четвертую операцию, или же четвертый инструмент познания. Доказательство антецедента. Ранее было доказано существование четырех способов обнаружения истины. В самом деле, определение выявляет сущность объекта, деление – части объекта, доказательство – свойство. Что касается метода, то он, как свет, // p. 175 приводит в порядок целокупное знание. След. и т.д. Далее, именно столько видов познания необходимы для совершенного знания, т.е. познания сущности объекта, его частей, свойств и порядка, который следует соблюдать в данной науке. Только после осуществления всего этого мы можем добиться совершенного знания. Ответ. Оставляя в стороне большую посылку, отвергаю вывод. Я не вижу никакого различия между методом, с одной стороны, и определением, делением, доказательством – с другой. Дело в том, что метод не является четвертым способом познания (intellegendi), но лишь обнаружения (manifestandi) истины, привносящий в знание определенный порядок.

РУССКИЕ МЫСЛИТЕЛИ – САМОРОДКИ XIX ВЕКА

С.А. Коган

Письменный (рукописный) аспект народно-философской мысли – одна из наименее изученных и наиболее драматичных страниц духовного развития общества. Как относились мыслящие люди из народа к окружающему их миру? По каким каналам и в каких формах проникали в их умы философские идеи? Каким образом они преломлялись в их сознании? Эти и другие, связанные с ними, вопросы остаются обычно без ответа в трудах по истории общественной мысли.

Это во многом связано со спецификой вольнодумной "философии снизу", ее особым местом в истории. Мыслитель – вообще редкое явление. Хотя философ (в истинном значении слова) и должен быть по своему призванию мыслителем, далеко не каждый философ ex professio (по специальности) является мыслителем, как, впрочем, и не всякий мыслитель – философом. Тем более редким, незаурядным, в

своем роде исключительным следует признать появление людей такого типа, – поднимающихся до смелых социально-философских обобщений – в крайне неблагоприятных исторических условиях, в угнетенной крепостной среде. Как только эти люди выделялись своей дерзкой проповедью из общего ряда, становились "самозванными" выразителями общедемократического протеста, их ожидала тяжкая доля изгоев, отщепенцев, законоотступников; они подвергались гонениям, а их рукописи уничтожались или засекречивались в тайниках полиции, оседали в архивах, обреченные, казалось бы, на вечное забвение.

Отсюда не следует, что народно-философская мысль есть нечто маргинальное, побочное, сбивающееся на обочину истории. Она глубоко коренится в многострадальном опыте и мудрости людей труда.

Ее нельзя сводить к обыденному сознанию, чисто стихийному умонастроению. Это – личностно-творческий феномен. Он закономерно возникает на стыке нескольких разнокачественных духовных потоков: многовековой традиции народного творчества (предания, былины, думы, притчи, пословицы и поговорки); индивидуальных самообразовательных усилий мыслящих выходцев из народа, поисков их самобытного приобщения к культуре; воздействия на них литературных, публицистических, философских источников. К этому можно добавить влияние религиозной идеологии, религиозно-общественных движений, еретических идей староверчески-раскольнического типа (отчетливо сказавшихся, например, в пугачевском восстании).

Своеобразна и жанровая природа народно-философского миропонимания. Для него не характерны спокойный академический тон, абстрактный логицизм, строго откристаллизовавшаяся система взглядов. Общее и возвышенное здесь преломляется сквозь особенное, конкретное, заземленное, сквозь болевые точки повседневного бытия; размышления переплетаются с воспоминаниями, очерковыми и дневниковыми, а то и эпистолярными "заметами" сердца.

Философско-публицистические сочинения простолюдинов служили как бы связующим звеном между основными социальным массивом, фундаментом нации и "образованным обществом", его интеллектуальным кругом; между социальной психологией и философией; между коллективным фольклорным творчеством и письменной, книжной культурой, собственно теоретическим дискурсом.

В результате подъема национального самосознания, связанного с Отечественной войной 1812 г. и последующим свободительным движением, русское свободомыслие пополнилось уже в первой половине XIX в. идеями целой плеяды крепостных интеллигентов, дворовых, критически настроенной городской бедноты[1].

В 20–30-е годы в борьбу с крепостным правом вступили заводские служители, мастеровые уральских заводов – А.В. Лоцманов, Н.И. Сабуров, П.И. Поносов и др. Дети крепостных и сами бесправные крепостные, несмотря на свое служивое положение, они тем не менее уже приобщались в той или иной мере к знаниям, смело и самобытно

размышляли. Появление этой прослойки было одним из симптомов кризиса существующего строя. Интересы экономического развития требовали обучения крепостных с целью выдвижения из их среды квалифицированных работников. Но чем больше расширялся их кругозор, тем глубже и острее они ощущали тягость и унизительность своего положения, тем сильнее поднимался в их сознании протест против крепостного права.

Один из крепостных интеллигентов – Андрей Васильевич Лоцманов. Он родился в 1807 г. на уральском Верх-Исетском заводе, в семье крепостного служащего, но юные годы провел в Москве, где, скрыв свое происхождение, обучался в частном пансионе. За свои прогрессивные взгляды был исключен оттуда и отослан на завод. В 1827 г. его арестовали по обвинению в намерении создать атикрепостническую группу под названием Общество ревнителей свободы. Он был закован в цепи и отправлен в Петербург, а по окончании следствия заточен в Бобруйскую крепость[2].

Спустя несколько лет такая же попытка была выявлена на Чермозском металлургическом заводе (тоже на Урале). Ее инициатором был заводской служитель Петр Иванович Поносов. Участники группы Поносова, которую они называли Обществом вольности (или Верных приверженцев свободы), были отправлены в наказание рядовыми в армию под особый надзор[3].

Мировоззрение Лоцманова и Поносова складывалось отчасти под воздействием декабристского движения. При аресте Поносова у него и его товарищей были изъяты переписанные стихотворения Рылеева. Лоцманов признал на следствии, что его взгляды имели "сходство и некоторую связь" с идеями декабристов. Для уяснения его духовного генезиса небезынтересен тот факт, что еще в 1823 г. им была подготовлена книга "Переводы и сочинения в прозе" (куда вошли, наряду с его статьями, работы его однокашников, также упоминавшихся в "деле" о "ревнителях свободы"); эта книга была издана московским купцом-типографом С.И. Селивановским. Выходец из крепостных крестьян, он отличался вольнодумно-демократическим направлением мысли, был лично знаком с Радищевым и рядом декабристов – Мухановым, Пущиным, Штейнгелем и др. Рылеев доверил ему издание своих произведений – "Думы" и "Войнаровский". Кюхельбекер участвовал в подготавливаемом Селивановским "Энциклопедическом словаре" (который был конфискован после восстания 14 декабря); сам издатель, подозреваемый в сочувствии декабристам, находился под следствием[4].

В публичной библиотеке, открытой С.И. Селивановским при его книжной лавке, предоставлялись читателям сочинения Вольтера, Гоббса, Даламбера, Гельвеция, Локка, Мабли (в том числе книга "Размышления о греческой истории", переведенная Радищевым), Нэжона, Руссо, Фонтенеля, переводы из французской "Энциклопедии" XVIII в., русские журналы – "Беседующий гражданин" (где была помещена статья Радищева "Беседа о том, что есть сын отечества"), "Почта

Духов" (автор и издатель – И.А. Крылов), "Трутень" Н.И. Новикова, "Санкт-Петербургский журнал" (издававшийся И.П. Пниным и пропагандировавший материалистические идеи) и др.[5]. Связь с кругом С.И. Селивановского могла содействовать в той или иной мере знакомству Лоцманова со взглядами декабристов и формированию его мировоззрения вообще. Позднее, в 1835–1836 гг., с кружком сына старого типографа – Н.С. Селивановским сблизился В.Г. Белинский; туда были вхожи московский врач-материалист И.Е. Дядьковский, прогрессивный историк-гегельянец Д.Л. Крюков, известные артисты П.С. Мочалов и М.С. Щепкин.

Следует вместе с тем учесть, что само появление крепостных вольнодумцев служило одним из симптомов нарастающего кризиса дворянской революционности, выражало тенденцию к демократизации освободительного движения; в отличие от дворянских революционеров, возлагавших основные надежды на свое сословие и на военный переворот, представители народного вольномыслия уповали на почин снизу; они рассчитывали построить свои кружки как сообщества не только антидворянские по своим целям, но и недворянские, простонародные по своему составу.

Среди этих вольнодумцев встречаются выходцы из крестьян, дворовых. Федор Иванович Подшивалов родился в 1794 г., рос в крепостной крестьянской семье, часто подвергаясь вместе с родными зверским избиениям управляющего. Ребенком Подшивалов был отдан на ткацкую фабрику, где "чрез великое рачение и видимый страх, на четырнадцатом году начал харкать кровью"[6]. Став дворовым человеком генерал-майора князя Лобанова-Ростовского, он участвовал вместе с ним в русско-турецкой войне 1828 г., был в Германии, Франции, Швейцарии. В 1830 г. написал свою автобиографию – "Родословная и описание жизни" и социально-философский трактат – "Новый Свет и законы его" в семи "книгах" (фактически – тетрадях, четыре из которых – 1, 2, 4 и 5 не имеют нумерации). Вслед за тем, желая дать ход своим идеям, он обратился с рядом писем к Николаю I. Результатом стали арест Подшивалова и его заточение – согласно повелению царя – в Соловецкий монастырь. По отбытии 9-летнего срока пребывания в монастырской тюрьме он должен был вернуться к хозяину с тем, чтобы состоять под его надзором (без права проживания в столице), но Лобанов-Ростовский отказался его принять в свою вотчину, опасаясь, что Подшивалов "может возобновить прежние свои поступки и развращать других крестьян". 19 декабря 1839 г. крепостной вольнодумец был отправлен в Тобольский "Приказ о ссыльных" для поселения в Сибири.

Другой самородок Семен Никитович Олейничук родился в 1798 г. в крепостной крестьянской семье в Винницком уезде Подольской губернии. Тайком от помещика был отдан в гимназию, а когда по возвращении в имение над ним нависла угроза рекрутчины бежал и долго скитался под чужим именем. Затем был предан суду, в силу чего "еще более возненавидел свое крепостное звание"[7]. Лишь в 1845 г. Олейничук получил "отпускную". Плодом его многолетних странствий и

наблюдений стало антикрепостническое сочинение "Исторический рассказ природных, или коренных, жителей Малороссии заднепровской, то есть Киевской, Каменец-Подольской и Житомир-Волжской губерний про свое житье и бытье". Взгляды Олейничука, имея русские и украинские корни, выражали по существу общероссийский демократический настрой против социальной несправедливости. Касаясь истоков своего трактата-исповеди, он писал: "Будучи сам из крепостного звания, имея родных, близких и знакомых в крестьянском быту и будучи сколько для меня возможно грамотным, я не мог переносить того положения, в каком находились вообще крестьяне при произвольном и нередко жестоком обращении с ними помещиков и их экономических служителей..."[8]. В 1849 г. Олейничук был вновь арестован и заточен сначала в Киевскую тюрьму, а затем, закованный в кандалы, в Шлиссельбургскую крепость; в тюремной одиночке и оборвалась в 1852 г. его жизнь.

Весьма колоритной фигурой среди представителей русского народного вольномыслия был Петр Алексеевич Мартьянов[9]. Он родился в 1835 г. в селе Промзино Симбирской губернии в семье крепостного, занимавшегося крупной хлеботорговлей; окончил вотчинную конторскую школу, стал помощником и приемником отца. Вначале, пишет он, "я вследствие крайней неразвитости, рабство принимал за явление нормальное, законное... Но мало-помалу, когда новые идеи стали пробиваться в голову мою или возникать в ней, я стал более и более сознавать заблуждение убеждений моих и скоро всецело признал принцип как правду и истину, а рабство ложью, грехом, язвой"[10]. Помещик граф Гурьев долго отказывал в просьбах Мартьянова о выкупе и лишь накануне отмены крепостного права "ограбив и до тла разорив" его, выдал отпускную. Отчаявшись добиться справедливости, Мартьянов (перешедший в мещанское сословие) выехал в августе 1861 г. в Лондон, где стал сподвижником Герцена и Огарева, участвовал в "Колоколе"; в 1862 г. в издании Вольной типографии вышла в свет книга Мартьянова "Народ и государство".

Хотя Герцен и Огарев не разделяли некоторых взглядов Мартьянова, они высоко ценили его незаурядный ум и смелость, советовались с ним по вопросам экономического и политического положения России, особенно по крестьянскому вопросу. "Человек испытанный всеми горями и бедствиями русской жизни, – писал Герцен в "Колоколе" 1 января 1864 г., – одаренный необыкновенным умом, энергический, глубоко страстный Мартьянов сосредоточился весь на вопросе о судьбах русского народа; тут была его поэзия, его религия, любовь и ненависть. Строгий по жизни, без уступок себе и другим, без слабых непоследовательностей – в нем элемент негодующего Спартака как-то сочетался с угрюмым типом нашего сектатора. Много читая, Мартьянов нисколько не утратил ни своей собственной оригинальности, ни чисто русского склада ума"[11]. Вернувшись в апреле 1863 г. в Россию, Мартьянов был арестован, заточен по "высочайшему повелению" в Петропавловскую крепость, а затем отправлен на каторгу в Сибирь.

Умер он в 1865 г. в тюремной больнице; существует предположение, что он был засечен до смерти за попытку к бегству.

Таковы вкратце основные жизненные вехи рассматриваемых нами мыслителей из народа.

* * *

Мощным импульсом творчества самородков-вольнодумцев стало их знакомство с русской литературой – сочинениями Радищева, Крылова, Пушкина, с некоторыми идеями декабристов, а из западных источников – преимущественно с вольтерьянством и руссоизмом. Это не было чем-то беспрецедентным. Переводы Вольтера расходились в России еще с конца XVIII в. не только в центре, но и в глубокой провинции. В начале 90-х годов XVIII в. в селе Казенке Тамбовской губернии в типографии Ивана Рахманинова были отпечатаны переводы четырех частей сочинений Вольтера (после чего последовал запретительный вердикт Екатерины II). В начале XIX в. книги Вольтера и Монтескье встречались в личных библиотеках купцов и мещан города Острогожска. Читали Вольтера и в Пензе и в Бугульме. Его сочинения включались и в потаенные рукописные сборники. "Сокровенными путями, – сетовал митрополит Евгений Болховитинов, – повсюду разливается его (Вольтера. – *Л.К.*) зараза. Ибо письменный Вольтер становится у нас известен столько же, как печатный". "Непостижимо, – вспоминает М. Дмитриев, – как повсеместно было его (Вольтера. – *Л.К.*) имя!" О том же свидетельствует А.П. Щапов. Интерес "простых" русских людей к просветительной философии отмечали и иностранные наблюдатели, бывавшие в России. Арман Домерж пишет в книге "Россия в период имерии...": "Среди крепостных есть очень одаренные люди; я сам встречал среди них людей, владеющих несколькими иностранными языками... Я часто видел, как в прихожих высшей знати рабы украдкой читали Вольтера и Руссо, взятых в библиотеке своего хозяина"[12]. О знании крепостными интеллигентами сочинений Вольтера говорит и И. Коль: «Когда просматриваешь библиотеки и ящики этих людей в их темных комнатах, то можно удивляться тому, что они собирали в них, обладая живым и неутомимым умом. Отрывок из Библии лежит возле перевода "Иллиады" и изданная Синодом азбука рядом с сочинениями Вольтера»[13].

Лоцманов ссылался в ходе следствия на оказавшую на него большое влияние книгу французского материалиста XVIII в. Гельвеция "Об уме". Он был знаком также с работами Вольтера и Руссо. В библиотеках Чермозского завода и Чермозского приходского училища, которыми пользовались Поносов и его товарищи, были произведения Вольтера, Руссо, Монтескье, Кондильяка, Фонтенеля. Подшивалов прямо указывает на Вольтера как на одного из наиболее близких ему авторов, а также на поэта-мыслителя английской революции XVII в. Мильтона. При аресте Олейничука было отобрано 20 книг на русском языке и 5 французских, у Мартьянова – 12 книг, составляющих их "походные", передвижные библиотеки.

Нет, по-видимому, надобности доказывать, что соотнесение в данном контексте имен малоизвестных крепостных и корифеев европейского Просвещения не имеет ничего общего с тенденцией к их "уравниванию" в каком-либо смысле или противопоставлению первых вторым. Совершенно очевидно, что Вольтер и Руссо, с одной стороны, и Лоцманов, Подшивалов – с другой, это качественно разные срезы и уровни умственного развития, его различные "весовые категории". Речь идет о другом: о том, что вершинные и "низовые", простонародные течения общественной мысли двигались не по замкнутым самодостаточным орбитам, а в чем-то существенно пересекались, взаимно дополняя друг друга; и о поразительной чуткости так называемых простолюдинов к идеям своих великих предшественников и современников, о глубинной этно-генетической талантливости россиян.

Политическое ядро мировоззрения народных вольнодумцев образует критика крепостного строя. "...Миллионы жертв, принесенных на алтарь корысти... – писал Лоцманов в неоконченной повести "Негр, или Возвращенная свобода", – погибших от угнетения и скупости, европейцев, вопиют о мщении... Вы, жестокие скупцы... торгующие подобными себе, вы, посрамляющие свою религию сим бесчеловечием, вы некогда отдадите отчет в делах своих и ужаснетесь во время наказания собственных поступков"[14]. В отличие от избранной здесь иносказательной формы критики крепостничества (в духе восходящей к просветительской традиции "негритянской" темы) Подшивалов обличает русских рабовладельцев – помещиков, впрямую. Характеризуя отношения между помещиком и крепостным, он пишет: "Первый не знает, куда расточить ваши, трудами приобретенные имения (имущество. –*Л.К.*), а последний средств не избирает, откуда бы достать оные; видите ли, первый делает бал, а с последнего дерут шкуру; за недоимки оброка первый едет лечиться на теплые воды от болезни, причиненной ему от излишнего роскошества, а последний и тут не прав, – он должен денег ему дать на излечение"[15].

Крепостной порядок непроизводителен, ведет к хозяйственному расстройству, обрекает тружеников на голод и нищету. "Господа же, принуждая к трудам своих людей, – замечает Поносов, – растощают (расточают. – *Л.К.*) без малейшего сожаления в поте лица приобретенное их людьми и чрез это разоряют самих себя и без того уже бедных крепостных людей, не заботясь о том, что последние часто не имеют и куска хлеба для утоления мучающего их голода. Из всего вышесказанного видно, что крепостные есть самые ничтожные люди, отличающиеся от скота и бесчувственных тварей одним чувством – рассудком, имея такую же слепую подчиненность к владельцам, как и скоты к своему хозяину"[16]. Важнейшей причиной этой бедственной ситуации служит насильственное отчуждение земли от крестьян, которые ее обрабатывают и чей неотъемлемой собственностью она должна быть. "Земли почти все отобраны и обращены в помещичьи ланы (поля. – *Л.К.*), сенокосы и пастбища, – пишет Олейничук, – все для нас в запрещении, а только для помещичьего и их урядников ско-

та"[17]. Крестьяне, считали народные вольнодумцы, должны быть освобождены с землей без всякого выкупа.

Самым вопиющим преступлением крепостников было варварское бесчеловеческое обращение с людьми – производителями материальных благ, крестьянством. Крепостной, указывает Подшивалов, стал объектом невиданного надругательства; разрушению подвергается не только его физическая природа, но и духовно-душевная организация. "Вы говорите, – обращается он к владельцам "крещенной собственности", – что мы рабы, ваши подданные... то есть, что вы пожелаете с ними делать, то и делаете, то есть, что ты не только волен в моем имении (имуществе. –*Л.К.*), даже и в теле, только не в душе; а и душа нередко вам попадается в жертву; и переносит другой не меньше Иисуса, только-только на кресте не бывает"[18]. Эта же идея развивается Поносовым: "Во всех известных странах света не видно таких законов, чтобы граждане государства даны были в неотъемлемое владение таковым же как они людям. Но у нас, в России, напротив: с издревле дворянам и гражданам, имеющим капиталы, предоставлено российскими государями полное право иметь своих крепостных людей, с полным же правом и неограниченно (разумеется, в отношении взысканий с крепостных за вины) властью, которая простирается иногда не только на самих господ но и от равных крепостных людей, установленных господами для управления их поместьями, известными начальниками до такой степени, что обираемые и притесненные ими беззащитные люди впоследствии приходят в отчаяние, чрез что беднеют, развращаются, а после и совсем погибают; другие за малые вины наказываются жесточайшим образом; мучаются горною и другими тяжкими работами и, наконец, молодые люди отдаются в рекруты (которые в России во всеобщем презрении), а старые ссылаются на поселение"[19]

Критикуя крепостной строй, мыслители из народа опирались на идею естественного права, проповедывавшегося, как известно, на Западе и в России идеологами Просвещения. Исходя из природного равенства людей – их телесной организации и умственных задатков, Лоцманов и его единомышленники требовали установления равенства прав и общественного положения. Хотя эта идея и не раскрывала действительной сущности отношений людей в антагонистическом обществе, она при всей своей метафизичности и утопизме, имела под собой реальную историческую почву и играла революционную роль. Она служила сильнейшим идейным импульсом и идеологическим выражением борьбы крестьян за землю, их стремления к захвату и переделу помещичьих земель. "Возможно ли, – восклицал Лоцманов, – что человек, сотворенный натурою без пагубного различия, должен быть порабощен подобному себе и повиновался его велению против своего желания?"[20]. На каждой драгоценности, украшающей представителей "высших" сословий, "есть капля крови невольника, существа подобного и равного с ними"[21]. Такова же была точка зрения мастерового служителя Николая Сабурова[22]. В ответ на утверждение

владелицы завода: "Из дураков вышел, в умные не попал и стал межеумок" (так она определила по-своему статус крепостного интеллигента), Сабуров возразил: "Стало быть, по вашему мнению, мы должны оставаться в невежестве?.. Да разве цари не таковыми же рождены, как я? Все люди одинаковы"[23].

Идею естественного равенства подробно обосновывает Подшивалов. Судить о человеке и его чувствах, считал он, "надобно сравнивая брата своего с самим собой, потому что он сделан не из железа, так и ты не из хрусталя... Так мы и должны иметь равное чувство человек о человеке. Все равные, мы не должны терпеть от равного себе какой-нибудь обиды"[24]. И далее Подшивалов раскрывает перед читателем следующую картину: "...взойди в свои чувства; вдруг если бы я начал требовать принужденного мне повиновения и служить, так как мне рассудится, притом ты знаешь, что я тебя никогда не заслужил на это мне требование. Что бы ты теперь ко мне почувствовал? Природа бы твоя вмиг оскорбилась, а ко мне почувствовал бы отвращение; вот мы уже и видим первые чувства человека; тут из этого можно разуметь, от чего и сам бог не требует от нас принужденного ему поклонения; так как же мы требуем от равного себе принужденного к себе обожания; не глупо ли от подобного себе требовать то, что нам самим противно; а мы иногда по глупости своей оскорбляемся на то, что перед нами не снимут шапки, а того не подумаем, заслужили ли мы это, чтобы нам отдавали столько чести"[25].

В отличие от официозного выведения социального неравенства как и самодержавно-помещичьего деспотизма в целом из божественных предначертаний ("несть бо власти, еще не от бога") вольнодумцы из народа искали причины неравенства людей в реальных земных отношениях. Подшивалов усматривал одну из этих причин в заблуждениях людей. "Сами вы теперь видите, – писал он, – до какого вы заблуждения достигли, что начали принужденно и приневольно ругаться над подобными себе творениями, так что и с воли его и с неволи ругаетесь над ним, как будто над скотом; ведь он рожден, кажется, таким же человеком, как и ты, а вы до такой степени заблуждались, что управляете им хуже в сто крат, как простой мужик своею скотиною"[26]. Поносов связывал возникновение неравенства с насилием, "нахальством" сильных, злых и своекорыстных тунеядцев по отношению к доверчивым, честным и слабым людям. Он считал, что социальное неравенство не было предусмотрено свыше, а стало естественным следствием изменений, происходивших в обществе, возникло из столкновения человеческих интересов.

Мыслители-самородки не видели еще действительного соотношения случайности и закономерности. Не знали они и того, что насилие, несмотря на свою большую роль в процессе возникновения социального гнета, само было производно от экономического развития – роста производительных сил, разделения труда, появления частной собственности, обмена и т.д. Поэтому в поисках первопричины всех зол, они останавливались обычно на таких явлениях, как темнота, невежество

одних и обман, насилие других. Вместе с тем следует признать их заслугой то, что выражая стихийно-демократические настроения масс, они по своему секуляризировали проблему неравенства, низводили ее с "неба" на землю, настаивали на том, что социальная несправедливость имеет земные корни. Они видели в неравенстве преходящее явление, которое не всегда существовало и не всегда будет существовать. Но оно не исчезнет само по себе, против него надо бороться.

Идея свободы, как и идея равенства, – в центре внимания народных вольнодумцев. Лоцманов мечтал "о составлении тайного общества к освобождению крепостных от зависимости помещиков"[27]. Он добивался "рассеяния мнений о свободе" и выражал удовлетворение тем, что "семена свободы сеются на хребтах Урала"[28]. "Свобода, врожденное чувство человека, и здесь распространяет ветви свои под сенью коих после трудов ратных сознательно отдохнут сыны ее"[29]. "Везде тиранство приводило его в негодование, – пишет Лоцманов о герое своей повести "Негр, или Возвращенная свобода", – но свобода, чувство великих душ, заставляла его трепетать от радости. Защитники ее казались ему людьми великими, необыкновенными, твердость и мужество их удивляли его". Вместе со своим героем Йорико Лоцманов стремился к "торжеству свободы над кичливостью тиранов"[30].

Итак, свобода, с точки зрения крепостных вольнодумцев, – не дар свыше или результат ухода в себя, бегства от жизни, и не чисто индивидуальное благо, предназначенное только для собственного узкоэгоистического пользования, а общественный, гражданский акт самоосвобождения, в основе которого находится освобождение человеческого "Я" и тесно с ним связанное раскрепощение трудового народа. Любовь к родине и любовь к свободе, патриотизм и свободомыслие переплетаются. Истинные сыны отечества суть сеятели, равнители свободы. Этот вывод соответствовал духу радищевской "Беседы о том, что есть сын Отечества".

Одним из существенных индикаторов, свидетельствующих о мере политического радикализма народных мыслителей, было их отношение к самодержавию. Известно, что вера в царя характеризовала в рассматриваемый период подавляющую массу народа, прежде всего крестьянства. Критика крепостного права не перерастала и у большинства народных вольнодумцев в отрицание монархии. Подшивалов и Мартьянов сохраняли, например, до определенного момента черты наивного монархизма, что сказалось в письмах-посланиях первого к Николаю I и открытом письме второго к Александру II. Но знаменательно, что в этих письмах нет даже признака страха, лести или преклонения. "Крайне я не хотел писать тебе третьего письма", – открыто признает крепостной реформатор-утопист Подшивалов, обращаясь к царю 12 июня 1830 г. В процессе перехода от Старого (подневольного) Света к Новому (раскрепощенному), считал он, не останется неизменной и монархия. Перестав быть абсолютистским самовластьем ("вы не должны иметь без причины друг над другом какого ни на есть самовластия" – обращается Подшивалов к современникам), она призвана

обрести нечто вроде конституционного статуса, охраняемого справедливыми законами; за царем останутся в основном исполнительские функции высшего чиновника в государстве, а законодательные функции сосредоточатся в руках народа, представителем и непосредственным проводником воли которого станет харизматический народный советник, своего рода философ у трона (он же "посланец божий"), каковым Подшивалов считал, в частности, себя. "Я писал тебе об указании законов..." – говорит он царю 29 мая 1830 г. И далее, в другом месте: "Наперед тебе скажу, что увижу и что теперь знаю, того не умолчу, – когда делать свободу и освобождать род человеческий и вывести всякие наружу злоупотребления, и всякий бы знал, что худо и что хорошо..."[31]. Подшиваловым предусматривалось и право общества "избрать достойного на царское место", если царский род "пресечется"[32].

Во взглядах Мартьянова понятие "царь" словно бы расчленяется на две ипостаси: реальный царь, находящийся у власти, носитель императорского самодержавия и идеальный, долженствующий управлять, земский царь. Идея этого последнего, уходила своими корнями в многовековую традицию наивного крестьянского монархизма. Мартьянов, как и Подшивалов, уповал на то, чтобы открыть царю глаза на ненадежность дворян, своекорыстно погруженных в свои помещичьи интересы, и склонить его к союзу с крестьянством. Обличая "абсолютногосподствующее, бесконтрольно управляющее, неответственное" царское правительство, он призывал к созыву представительной всенародной Земской Думы, в условиях существования которой русский царь, надеялся он, утратит свои государственно-самодержавные, абсолютистски-имперские черты и станет крестьянским, земским царем. Монархические иллюзии не скрывали, впрочем, от Мартьянова возможности альтернативного решения вопроса: если царь откажет в созыве Думы (Земского Собора), то последнее слово будет принадлежать народу, стихийному крестьянскому восстанию – "все предтечи революции налицо"[33]. Но это – крайний случай, которого лучше избежать.

Во взглядах ряда других вольнодумцев царь не только не исключался из числа прямых недругов трудового лица, но и выступал как концентрированное воплощение социально-политического зла. Одним из первых выразил такой подход неизвестный, вышедший, видимо, из "низов" автор революционной листовки, обращенной в 1820 г. к взбунтовавшемуся Семеновскому полку. "Скажите, – писал он, – обращаясь к своим читателям, в первую очередь солдатам, – что должно ожидать от царя; разве того, чтобы он заставил друг с друга кожу сдирать!"[34].

Лоцманов писал, что ревнители свободы "возненавидели династию, властвующую ныне над потомками древних славян..."[35]. Единственный монарх, достойный поклонения – это, по его мнению, свобода. В том же направлении развивались мысли Поносова. В подпольной простонародной ("владимировской") листовке, относящейся к началу 30-х годов говорилось: "...Никакой земной царь не смеет сказать человеку: ты мой". И далее: "...Лучше, всем умереть с оружием в руках, защищая свою свободу, нежели безвинно вечно жить рабом и невольником"[36].

Антимонархическая тенденция, хотя и очень медленно, спорадически начинала прокладывать себе дорогу в умах лучших представителей народа. Критика ими крепостничества не сводилась лишь к чисто эмпирическому описанию отдельных общественных язв и пороков. "Система виновата", – заключал Мартьянов[37].

* * *

Внимание народных вольнодумцев привлекали к себе и общие вопросы философии истории – о ее движущих импульсах, мире и войне, о будущем России и человечества. "История, – писал Олейничук, – есть зеркало веков и действий народов, в ней видим прошедшее и поучение предугадываем на будущее"[38]. Люди труда, полагал он, способны уяснить смысл истории, "из великих происшествий времени почерпают народы уроки мудрости"[39] Сабуров также считал, что народ должен подходить к событиям со своей особой меркой, определяемой его местом и ролью в общественной жизни. "Поселянин в истории с самого начала усмотрит причины соединения людей в общества, главные основания, на коих последние утверждаются, и пружины, коими действуют: вникая во все сии, может здраво судить о важности и пользе своего состояния"[40]. В чем же состоят эти важность и польза крестьянского сословия (состояния), образующего с точки зрения Сабурова, народ? В том, что "его искусство (в данном случае – мастерство, вообще трудовая деятельность. – *Л.К.*) было первым основанием обществ; что его труд есть первый источник силы и богатства; и что могущество всего целого заключается в нем самом"[41]. Народ, согласно Мартьянову, это трудящиеся, все те, кого эксплуатируют; наряду с крестьянами и ремесленниками, работниками, он относил к народу и прогрессивные элементы других слоев общества: "...тот и народ, кто заодно с народом, и тот не народ, кто против него"[42]. Особенно возрастает значение народных масс, когда они борются за свое освобождение. "...Когда приходит время постоять за дело общее, – писал Мартьянов, – народ является красой – богатырем русским во всеоружии разума и силы"[43]. Пробуждающийся и поднимающийся на борьбу за свободу народ вызывал в сознании Мартьянова былинный образ Ильи Муромца.

Внимание народных вольнодумцев неотступно привлекала к себе проблема войны. Захватнические войны противоречат интересам людей труда, мешают удовлетворению их насущных потребностей, представляют собой нарушение важнейшей нормы человеческих отношений. "Какие бедствия оставляет после себя война. Какое жестокое наследство, – говорится в книге, подготовленной Лоцмановым, – Для чего умножать толиким числом злодейств и опустошений горести, которые мы встречаем на каждом шагу?.. Неужели не довольно пространства во вселенной, чтобы всякий мог возделывать столько земли, сколько может"[44]. Кто виноват в подобных войнах? "Итак, вывод тот, – писал Мартьянов, – что на все эти завоевания и при-

соединения... никак нельзя смотреть как на *следствия завоевательных стремлений народа*; они, завоевания и войны, суть следствия вражды, возбуждаемой между народами правительствами, неответственными пред народом, следствия вражды государственной... Власть государственная сталкивается с каким-нибудь государством соседним в интересах совсем чуждых интересам народа; возникает война"[45].

Есть, однако, и другие – освободительные войны, когда "народ хочет подать помощь порабощенным братьям своим"[46].

Интересны размышления крепостных вольнодумцев о будущем, представляющие собой пример народной социальной утопии. Подшиваловский проект преобразования охватывал освобождение крестьян с землей, ее раздел поровну, ликвидацию сословных привилегий, учреждение справедливого судопроизводства, демократизацию школы и армии, укрепление семьи на принципах взаимной любви и равенства, воспитание молодого поколения в духе взаимопомощи, уважения к старшим и гуманного отношения к людям вообще. "Всякий (крепостной. – *Л.К.*) – пишет он, – уволен будет от своего господина и всякий будет сам себе господин... С этих пор терпеть более никто не будет, ибо никто из-под неволи терпеть ни перед кем не обязан"[47]. Каждый бывший раб сможет управлять землей "как ему заблагорассудится"[48].

Крестьянски-плебейская направленность подшиваловской утопии особенно ярко выразилась в идее всеобщности труда. Труд является в Новом Свете не только необходимым, решающим условием человеческого существования, но и всеобщей обязанностью. "Должно человеку работать и трудиться. Вопрос: для чего? Ответ: не обработавши земли и не посеявши семян, не будет и хлеба, с голоду помрешь". Мощные стимулы труда представляют личная заинтересованность и гражданский долг. Каждый станет хозяином своего труда и будет "трудиться для собственной своей пользы и для общего блага..." Что ты преобретешь через труд твой, то все твое, тогда ты будешь сам себе господин...". Всеобщий обязательный труд, сочетающий личное с общественным, общей пользой, – основной закон жизни в Новом Свете.

Реформируется и судопроизводство на гуманных демократических основах. Суть этой реформы составляет превращение чуждого народу, стоящего над ним казенного суда в совестный суд, призванный "судить по истинной правде..."[49].

Вместе с совершенствованием права совершенствуется нравственность. На первое место здесь выдвигаются требования искренности, чистосердечия и добросердечия. Их утверждение закономерно вытекает из ликвидации порабощения человека человеком. "Как только избавится народ от терпимого им ига, тогда никто не должен будет лгать, ибо в том никому нужды не будет"[50]. Человек, отступивший от правды, несвободен, он запутывается в сетях собственной лжи; правда же ведет к духовной раскованности, умственному и нравственному самоутверждению.

Важные шаги намечаются Подшиваловым и в направлении демократизации армии. Упраздняется наследование каких-либо чинов и

привилегий. Каждое назначение на командную должность должно соответствовать деловым и нравственным качествам претендента, его личным достоинствам. Дети должностного руководящего лица должны самостоятельно "заслуживать от самого низшего класса и так постепенно, но отнюдь не присваивать себе отцовские заслуги и не числиться наследниками по чину"[51]. "Итак, кто чего будет достоен и кто чего заслужит, тот то и получит"[52].

Таковы некоторые "законы" и "заповеди", регулирующие отношения людей в крестьянской утопии "Нового Света".

* * *

Для собственно философских взглядов представителей народного свободомыслия характерны стихийно-деистическая и пантеистическая тенденции.

Природа воспринималась народным сознанием во всей своей непосредственной данности, конкретной поэтичности, как бесконечно многообразная по своим качествам и формам, трепетно-переменчивая, переливающаяся всеми красками и звуками. То она выступает как "полянушка широкая", покрытая "муравой шелковою", то как "радуга – крашенное коромысло", то как бескрайная бездна, наполненная звездами, которых так много, что их и не сосчитать "ни князьям, ни попам, ни думским дьякам".

Подшивалов видел в природе активную, животворящую стихию, в которой все взаимосвязано. "Дерево получило бытие свое от зелени, воздуха и климата, руда таким же образом рождается там, где ей способно и какой вид оная может на себя принять, то есть золотой или серебряный или медный"[53].

Человека объединяет с другими живыми организмами чувствительность. Даже дерево при всей своей безгласности "сходство имеет с чувствами человека"[54]. Человек не исключен из общего потока метаморфоз реального бытия. Лоцманов и Подшивалов трактуют человека не только как часть природы, но и как ее высший плод. "Мать наша – земля, – замечает Подшивалов, – потому что родители наши произвели нас на свет от плодов земных, ибо они произвели нас на свет от соединения скопившихся жизненных соков; а соки оные они получили от плодов земных; и когда мы помираем, то опять в землю идем, ибо из земли взяты – в землю опять пойдем"[55]. Природное происхождение человека и его последующую зависимость от воздействия окружающих условий Подшивалов иллюстрирует и на примере собственного творчества. "...Написал я вам то, что от природы, сама натура мне вдохнула и заронила в сердце искру истины"[56]. "Я сам от себя ничего не выдумывал, а писал то только, что по вдохновению мне самой натурою или природою побуждаемо было... Природа меня побуждает, чтоб я показал теперь вам истинный закон и заповеди его"[57]. Сходная постановка вопроса о природе как первооснове человеческой жизни, источнике ощущений, сознания, деятельности есть и у Олейничука. Простолюдины – крестьяне и мещане, пишет он, "по одному внушению

разумной только природы говорят, что общество, или политическое тело, устраивается разумною природою людей... Там все члены друг другом связаны, движутся правильно и гармо-нически"[58].

Рассматривая окружающий мир как материальное единство, Мартьянов отрицал какие-либо абсолютные, непереходимые грани между явлениями. "Да и где эти границы в природе? Царство растительное незаметно переходит в животное, ботаника и зоология смешиваются, родовые виды одного из этих царств, отдельно взятого, незаметно переходят в другие виды того же царства"[59]. Мысль о телеологическом характере явлений природы, подчиняющихся якобы извне предуказанным целям, отвергается Мартьяновым. "Цель жизни сама жизнь. Другой цели нет"[60]. Все в мире детерминировано, причем причины и следствия переходят друг в друга. "Нет ни одной причины, которая не была бы следствием, и ни одного следствия, которое не сделалось бы причиной"[61]. Отсюда – закономерный характер мирового процесса. "Все движется по известным законам, все повинуется им... Ими обусловливаются жизнь и бытие, иначе жизнь и бытие не были бы жизнью и бытием, а хаотическим брожением неопределимого"[62]. Беспочвенны и несостоятельны утверждения об абсолютной свободе воли или толкование свободы как независимости от объективных законов, приравнивание ее произволу. "Напрасно искали бы мы в чьем-нибудь произволе только чей-нибудь произвол произвольный; ни одного так называемого произвола не найдем, не исходящего из непроизвольного, и, следовательно, нет ни одного произвола, как произвола в собственном смысле"[63].

Объективные законы соединены в мировую систему. С ними, с логикой мировой законосообразности, нельзя не считаться. "Все, в мире совершающееся, совершается совершенно последовательно, логично, разумно и, следовательно, законно. Борьба против таких законов сознательная – безумна, бессознательная – бессмысленна и бесцельна; и в том и другом случае она есть уклонение от законного определения, от законных и, следовательно, необходимых следствий совершающейся причины, от общемирового порядка, всеобщей гармонии"[64].

Антисубъективистская, антиволюнтаристическая направленность этих высказываний свидетельствует, что мысль Мартьянова двигалась по реалистическому пути. Однако излишне суммарное, однолинейное толкование причинных связей, отождествляющее причинность с необходимостью и выносившее за скобки случайность, непонимание исторического характера законов общественного развития, придавало детерминистским воззрениям Мартьянова отпечаток фаталистичности.

Важной особенностью народного свободомыслия является вера в силы человеческого ума, теоретико-познавательный оптимизм. В русском народном творчестве всегда жив интерес к неведомому, но это неизвестное, при всей своей таинственности, понимается не как нечто потустороннее и недоступное, а как мир реальный, земной, вся заманчивость которого как раз и состоит в его принципиальной достижимости. Как бы далеко – за горами, за долами, за синими морями, за

тридевять земель – не находилось неведомое царство народной мечты, герой русской сказки – добрый молодец рано или поздно добивается заветной цели. Смелый, самоотверженный поиск правды – вот гносеологический и, в то же время, нравственный и эстетический лейтмотив народного творчества. Правда, говорил народ, дороже золота, без правды веку не проживешь, все минется одна правда останется.

Таково же кредо русских правдоискателей из народа, выраженное в их письменных произведениях. Подшивалов считает, что пришло время сотворить Новый Свет на земле и отыскать правду. Путь правды – дорога чистая и крепкая, новый путеводитель человека. На этой дороге и человек обновится. Достичь истины так же нелегко, как попасть в цель на далеком расстоянии. Но "истине мы должны быть все подвержены... Правда светлее солнца, кто же дерзнет противу ее стоять"[65]. Лоцманов также утверждал, что необходимым признаком истинного патриотизма является необходимость говорить правду и сообразовать свои действия с сим правилом" О "законах правды" писал Мартьянов.

Правда, в народном сознании, – емкое, многогранное понятие, в котором представлены в нераздельной связи интеллектуальное и нравственное начала, духовное и душевное, истина и справедливость, добро и красота.

Путь к истине ведет от внешнего облика явлений к их всестороннему, конкретному постижению. О любом деле надо судить, по мнению Олейничука, на основании "не одного только наружного внимания, а надобно обозреть дело со всех сторон, вникнуть во всякий предмет, и тогда судить о делах, смотря по положениям и качествам предметов, и заключать обо всем, смотря по обстоятельствам". "Вселенная наполнена противоположностями" Важнейшая роль в познании принадлежит науке. "Человек без науки в нынешнее время есть самое жалкое творение". Науки дают людям новую жизнь, "научают познавать все перемены" и уяснять причины явлений. "Если науки озаряют светом своим, то познания наши бывают ясны, суждения основательны, тогда умеем отличить пользу от вреда, любить одно добро, отвращаться всякого зла".

Посмотрим теперь как осмысливается в сочинениях русских мыслителей из народа понятие Бога. Лоцманов предпочитал по возможности реже упоминать о Боге, – это была для него тайна трудно доступная пониманию. Да и другие самородки проявляли обычно сдержанность в данном вопросе. Это представляется естественным, поскольку отношение к религии, предполагающее бесчисленное множество индивидуальных оттенков, есть сфера сугубо личного, сокровенного, интимного в человеческом духе. Нельзя отождествлять народное свободомыслие с религиозным неверием, – это было бы упрощением и обеднением проблемы. Даже в тех случаях, когда религиозный скептицизм крепостных вольнодумцев обретал наиболее явные, открытые формы, он не шел обычно дальше конкретных антиклерикальных, антиритуальных, антитеологических выпадов.

Бог часто ассоциировался в их представлении с правдой и любовью. Вере Подшивалова в Бога свойственны рационалистически-деистические и пантеистические черты в сочетании со стихийно-натуралистической тенденцией. Бог характеризуется им как "свет чистый и праведный", рассеянный в окружающем мире, существующий "везде" и одновременно" нигде". Бог – не единственный "столп" мироздания, он выполняет эту свою роль наряду с Натурой (природой) и Истиной; "они есть одно", поясняет Подшивалов. Иначе сказать, в системе Бог – Натура – Истина три эти члена переходят друг в друга, образуя разные стороны или аспекты некоей целостности, звенья одной цепи. Подшиваловский Бог выступает и как воплощение и синоним добра, справедливости.

Вступая в прямой спор с библейской книгой Бытия, Подшивалов утверждал, что не Бог, а природа является непосредственным творцом человека, создавшим его по своему образу и подобию. Бог действует через природу. Имея в виду утверждение Библии о том, что Бог создал человека из праха земного и вдунул в него дыхание жизни, Подшивалов говорит: "Желаю я знать, каким бы это образом первый человек сделан был из песку, а когда Бог в него дунул, то он встал и не рассыпался. И у нас столько было разума, что некоторые тому и поверили и эта выдумка была не последняя"[66]. Библия не в силах объяснить и происхождения всех остальных существ или, как говорит Подшивалов, показать "из какого же вещества прочие твари были сделаны"[67]. По мнению Подшивалова, люди (как и остальные живые существа) возникли не в результате чуда, а вполне естественным путем: "Натура... родила человека"[68]. "Человек рождается от образа натуры, ибо он все бытие свое получил от влияния в него натурою; и все его чувства и желания побуждаемы натурою, ибо она его с тем произвела на свет и сама в него вдохнула, дала ему жизнь, или душу, через которую или посредством оной человек действовать должен. Ибо в нем душа подобна часовой пружине или органу, посредством которого человек действует и желает всего того, что он получил при вдохновении ему натурою"[69]. Будучи создан натурой, человек "и принял образ натуры, а мнения получил от нее же...". "Натура управляет человеком, так как она его создала по своему небесному, земному и воздушному действию"[70].

Решительно отвергал Подшивалов и идеи о грехопадении, всемирном потопе и Ноевом ковчеге, разного рода чудесах. Не пресловутый змий "искусил" первобытных женщину и мужчину, бросив их в объятия друг другу, – они познали любовь, подчиняясь естественному влечению, природному ходу вещей. Они "произвели по врожденной им натурою склонности любовное действие, никем будучи не искушаемы... ибо чего сама природа требовала, то они и должны были сделать, и посредством оного плотисоединительного действия и произвели на свет подобных им самим. Иначе, без этого обойтись им никак не можно было... Их искушать было не для чего, когда они были с тем произведены на свет"[71].

Ренессансное жизнелюбие Подшивалова противилось любой проповеди нелюбви к миру, третированию земной жизни как обители греха и страдания, подготовительной фазы к загробному существованию. Ничто так не отвращало его от теологии как аскетически-фанатическая поэтизация страданий. "Для чего мы произведены на свет: для того ли, чтоб царствовать и веселиться, или чтоб всю жизнь свою страдать и мучиться? Если бы кто у меня спросил, которого я желаю из двух вышеупомянутых царств – первого или последнего, то есть царствовать и веселиться или страдать и мучиться, наверное я скажу, что царствовать и веселиться. Я думаю, что и вы со мной согласны будете потому, что страдание и мучение нам очень надоели и наскучили"[72]. Страдание находится, согласно Подшивалову, у истока всех бед. Он выстраивает следующую цепочку связей: вначале возникло мучение, порожденное гнетом; оно, в свою очередь, породило ложь, далее следует корыстолюбие и всяческая неправда, в результате чего "теперь совершенный ад на земле, обман, разврат, самолюбие, роскошь, ненависть, вражда"[73].

Осуждая этот реально существующий на земле ад, обусловленный тиранией господ-тунеядцев над тружениками, Подшивалов развенчивает в то же время сакрально-теософский миф об аде и царствии небесном – рае как мистической сфере потустороннего воздаяния. "Ада и рая нету, да никогда не бывало и надеялись мы на них совершенно напрасно"[74]. Не ограничиваясь отрицанием этого мифа. Подшивалов пытался выявить его социальную подоплеку – стремление угнетателей устрашить народ и тем самым сделать его покорным своей воле. "Вколотили нам в головы такую чепуху", т. е. что сатана будет варить людей в котлах и сечь их раскаленными прутьями. "За что же, спроси, – чтоб повиновались своим господам, то есть братьям своим, которые и на этом свете не позабывают нас потчевать дубиною, а иногда и, по образу и по подобию, за власы и в потасовку, а иногда мало, так и прутьями в палец толщиною"[75]. И далее: "Скажите им (угнетенным. – *Л.К.*), что черта или сатаны, который по ихнему мнению мучил в аду народ за грехи, тоже никогда не было и того, а это только для того было им сказано, дабы они надеялись на будущее, которого совсем не бывало, ибо это для того было еще сказано, чтобы удобнее всякого, в Христа верующего, свободнее привести к повиновению господам и чтоб они без всякого упорства мучились..."[76] Обращаясь к помещику-тирану, всем угнетателям, требующим от народа долготерпения в обмен на будущие награды "на том свете", Подшивалов говорит: "Когда нам господа наши оброк заплатят или шкуры наши, содранные с несчастных, – по причине большого просвещения – отдадут; верно скажут: на том свете. Я знал наперед, что они точно так скажут; вот наши законы на чем основаны". "Заплати мне здесь, а на том свете пущай господину заплатят; верно он не согласится, потому что где он будет, там и я; один рай будет, откуда взяты, туда и попадем. Так за что же мы говорим: терпи, дитятко, на том свете заплатят [?]. Кто же это такой плательщик, я еще ни одного не видал, который бы

оттуда с заплатою (оплатой. – *Л.К.*) возвратился ...только и успевай – отпущай в долг, а на том свете заплатят. ... Если бы не надеялись на будущее, а разрешали бы [споры] здесь, наверное лучше было бы. А то все упования наши возлагаем на будущие два мнимые царства – ад и рай..."[77]. Нужно, продолжает Подшивалов, "чтобы никто не надеялся на будущий ад и рай и всякий бы расплачивался бы здесь и всякий бы работал и трудился сам для себя, а если господин пожелает, чтоб ему работали, то должен заплатить здесь, а в долг больше не верить никому, что на том свете оплаты никакой никому не будет"[78].

Постоянный гуманистический интерес к земному, посюстороннему, человеческому, стремление найти решение всех социально-политических, философских и нравственных проблем на Земле, а не в загробном мире, вера в силу трудового люда, его будущее, его способность освободить себя и все человечество от порабощения – таковы характерные черты русского народного свободомыслия.

При всей уникальности этого феномена, к нему следует подходить исторически, не только отвергая и преодолевая его недооценку, но и избегая какой-либо идеализации, некритичности, движимой то ли понятным желанием "перегнуть палку" в другую сторону, то ли абстрактно понимаемым народолюбием (в пределе – народопоклонством). Мыслители-самородки интересны не только и не столько в силу своего автодидактического статуса, сколько из-за своей способности самостоятельно и глубоко мыслить вопреки всем неблагоприятным условиям. Их сила – не в "простом", "мужицком" происхождении и коренящихся якобы в нем стихийном демократизме, родовой, "почвенной" мудрости. Хорошо известно, что можно быть наследственным дворянином, даже аристократом и сохранять при этом глубокую духовную связь с народом, являться истинно народным поэтом, художником, философом, а можно родиться "на дне" общества и жить в социальных "низах", в "глубинке", оставаясь (или становясь) рядовым обывателем, плебеем, люмпеном, человеком толпы. Многое тут зависит не от внешней среды (сколько бы велико не было ее воздействие), а от самого человека, его личной жизненной позиции и инициативы, свободного выбора и решения, характера и таланта. Народ и толпа, демос и охлос, столь же разноприродны по своей сущности, как демократия и маскирующийся, подделывающийся под нее, грубо ее пародирующий популизм.

Смелость и справедливость суждений мыслителей-самоучек не должны заслонять естественной ограниченности их мировоззрения, – таких ее проявлений, как наивность, упрощение, недостаточная системность общей концепции, связанных с множеством преград на пути к образованию, – отсутствием достаточно широкого и разнообразного круга наблюдений, оторванностью от центров общественной и интеллектуальной активности. Рассудок мыслителей из народа сочетался с их предрассудками. Это было не их виной, а их бедой.

Место и роль мыслителей-самородков определяется не бездумным, стихийным следованием за мнением большинства, не растворенностью

в массе, не механической редукцией индивидуального к социальному и, тем более, не противостоянием так называемому образованному обществу, его устоям и идеалам, а индивидуальной выкристаллизованностью и личной выстраданностью их духовного облика как борцов за свободу ("Плод долговременных страданий моих", – пишет Мартьянов), мерой их приобщенности к национальной и общечеловеческой культуре, стремлением внести в нее свой посильный вклад, неискоренимым чувством личного достоинства, верой в будущее России.

[1] О крепостной интеллигенции см.: *Коц Е.С.* Крепостная интеллигенция. Л., 1926; *Башилов М.П.* Крепостные художники. М., 1949; *Бессонов С.В.* Крепостные архитекторы. М., 1938; *Яцевич А.* Крепостной Петербург пушкинского времени. Л., 1937; *Коган Л.А.* Крепостные вольнодумцы (XIX век). М., 1966.

[2] "Дело" А.В. Лоцманова, датированное 1827 г., – "О возмутительном письме, написанном заводским служащим корнета Яковлева" находится в Государственном архиве Российской федерации – ГАРФ (наряду с протоколами допроса и другими следственными материалами туда включены рукописи крепостного вольнодумца). О Лоцманове см.: *Байтин М.И., Пугачев В.В.* Политические идеи Андрея Лоцманова // Уч. зап. Саратовского юридического института. Саратов, 1960, вып. IX; *Коган Л.А.* Дело Лоцманова (К истории народного свободомыслия в России начала XIX в.) // Вестник истории мировой культуры, 1961, № 3.

[3] Архивные первоисточники о П.И. Поносове и его единомышленниках сосредоточены в ГАРФ ("Дело о противузаконном обществе, открытом на заводах гг. Лазаревых в Пермской губернии") и в Центральном государственном историческом архиве – ЦГИА ("Дело о тайном обществе служителей Чермосского завода насчет уничтожения власти помещиков над крестьянами"). Выписки из этого "Дела" и сочинение Поносова "Положение об организации..." опубликованы в кн.: Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1955, т. I, ч. 2. О Поносове см.: *Савич А.А.* Тайное "Общество вольности" на Чермосском Вотчинном (Лазаревском) заводе. 1836 // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926, вып. II; *Ушаков И.Д.* К вопросу о возникновении Чермосского тайного общества "верных приверженцев свободы" // Уч. зап. Выборгского государственного педагогического института. Выборг, 1957; *Коган Л.А.* Крепостные вольнодумцы (XIX век).

[4] См.: Записки Н.С. Селивановского // Библиографические записки, 1858, № 17, с. 515–518; 526; *Семевский В.Н.* Барон Владимир Иванович Штейнгель // Общественные движения в России в первую половину XIX века. СПб., 1905, т. 1, с. 305; *Оксман Ю.* К истории работы Белинского в "Телескопе" // Уч. зап. Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1952, т. XXXI, с. 355, 383.

[5] См.: Каталог библиотеки, открытой при книжной лавке С. Селивановского. М., 1809.

[6] ЦГАРФ, ф. III отд., 1830, д. 55 – "Родословная" (без нумерации). В этом же архиве хранится следственное дело "Об отправлении в Соловецкий монастырь дворового человека генерал-майора князя Лобанова-Ростовского Федора Подшивалова, подбрасывавшего безымянные письма на высочайшее имя". О Ф.И. Подшивалове см.: *Коган Л.А.* Крепостной вольнодумец Федор Подшивалов // Вопр. философии, 1958, № 10; *Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России. XIX век. М, 1978.

[7] ЦГАРФ, ф. III, отд., 1 эксп., д. 405 – "О вольноотпущенном крестьянине Винницкого уезда Семене Олейничуке, у коего найдено рукописное его сочинение, заключающее в себе вредные суждения о сословиях и правительстве". Об С.Н. Олейничуке см.: *Щеголев П.Е.* Семен Олейничук. Исторические этюды. СПб., 1913; *Коган Л.А.* Крепостные вольнодумцы (XIX век).

[8] ЦГАРФ, ф. III, отд., 1 эксп., д. 405, л. 27–27 об.

[9] В ЦГАРФ хранятся "дела" П.А. Мартьянова – "Производство высочайше утвержденной следственной комиссии о Санкт-Петербургском мещанине Петре Мартьянове"

и "Арестантское дело по настольному реестру № 12 С.-Петербургской губ. о мещанине Петре Мартьянове, обвиняемом в сношении с изгнанником Герценом". О Мартьянове см.: *Герцен А.И.* П.А. Мартьянов и земский царь // Собр. соч.: В 30 т. М., 1959, т. XVIII; *Лемке М.* Дело П.А. Мартьянова // Очерки освободительного движения "шестидесятых годов". СПб., 1908; *Козьмин Б.П.* К биографии крестьянина П.А. Мартьянова // Красный архив, 1923, т. III; *Коган Л.А.* Из истории русского народного свободомыслия в 60-е годы XIX века // Вопр. философии, 1964, № 6.

[10] Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 231, разд. II, к. 20, ст. хр. 45, л. 275 об.–276. Далее: ОР РГБ.

[11] *Герцен А.И.* Собр. соч., т. XVIII, с. 11–12.

[12] La Russie fendant les Guerres de l'Empire (1805–1815). Souvenirs historiques / de M. Armand Domerge. P., 1835, t. 1, p. 172.

[13] Petersburg in Bildren und Skizzen / v. J.G. Kohl. Dresden; Leipzig, 1841, T. 2, S. 139. Знакомство Лоцманова и его единомышленников с идеями классиков просветительской философии имело не только прямой, но и опосредованный характер. Так, в известной ему и упоминавшейся во время следствия книге аббата-иезуита О. Барюэля "Записки о якобинцах..." (М., 1807), говорилось, правда осудительно, о Вольтере, "безбожнике" Ламетри, "герое атеистов" Дидро, Гельвеции, Гольбахе, Монтескье, Руссо.

[14] ЦГАРФ, ф. III отд., 1 эксп., д. 441, л. 33 об.

[15] Там же, д. 55. "Новый Свет и законы его", кн. 1.

[16] Рабочее движение в России XIX века", изд. 2, дополненное. М., 1955, т. 1, с. 163–164.

[17] ЦГАРФ, ф. III отд. 1 эксп., т. 214, д. 376.

[18] Там же, д. 55. "Новый Свет и законы его", кн. 2.

[19] Рабочее движения в России в XIX веке, т. 1, ч. 1, с. 163.

[20] ЦГАРФ, ф. III отд., 1 эксп., д. 441, л. 403.

[21] Там же, л. 33–34.

[22] Николай Иванович Сабуров родился в 1803 г. в семье крепостного заводского служащего. Окончив пермскую гимназию, стал поверенным в делах Сысертских заводов на Урале. Но в середине 20-х годов был обвинен в вольнодумстве и послан "в тяжелую работу" на завод, а затем – на один из дальних рудников, что фактически мало чем отличалось от каторги.

[23] Государственный архив Екатеринбургской области, ф. 12, оп. 1, д. 801, л. 50 об.–51 – "Дело по обвинению мастерового Сысертского завода Сабурова в вольнодумстве".

[24] ЦГАРФ, ф. III отд., 1 эксп., д. 55. Новый Свет и законы его, кн. 1.

[25] Там же.

[26] Там же, кн. 6, л. 14.

[27] Там же.

[28] Там же, л. 39 об.–40

[29] ЦГАРФ, ф. III, отд.

[30] ЦГАРФ, ф. III отд., 1 эксп., д. 441, л. 264 об.

[31] Там же, д. 55. "Новый Свет и законы его", кн. 5.

[32] Там же.

[33] *Лемке М.* Очерки освободительного движения. с. 344, 347.

[34] Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951, т. 1, с. 586, 587.

[35] ЦГАРФ, ф. III отд., 1 эксп., д. 441, л. 4–5 об.

[36] Там же, д. 284, ч. 1, л. 3, 90.

[37] *Лемке М.* Очерки освободительного движения, с. 280.

[38] ЦГАРФ, ф. III отд., оп. 214, д. 376, л. 106.

[39] Там же, л. 92 об.

[40] Государственный архив Екатеринбургской области, ф. 12, оп. 1, д. 801, л. 51 об.

[41] Там же, л. 88 – 88 об.

[42] *Мартьянов П.* Народ и государство. Лондон: Вольная русская типография, 1862, с. 8, 13.

[43] *Лемке М.* Очерки освободительного движения, с. 341, 344.
[44] Переводы и сочинения в прозе. М., 1923, с. 131.
[45] *Мартьянов П.* Указ. соч., с. 16–17, 65.
[46] Там же, с. 66.
[47] ЦГА РФ, ф. III отд., 1 эксп., д. 55.
[48] Там же.
[49] Там же.
[50] Там же.
[51] Там же.
[52] Там же.
[53] Там же.
[54] Там же.
[55] Там же.
[56] Там же.
[57] Там же.
[58] Там же, оп. 214, д. 76.
[59] *Мартьянов П.* Указ. соч., с. 5.
[60] ОР РГБ, ф. 231, разд. II, к. 20, ед.хр. 45, л. 276 об.
[61] Там же, л. 275 об.
[62] Там же, л. 275–276 об.
[63] Там же, л. 275.
[64] Там же, л. 275 об.
[65] ЦГА РФ, ф. III отд., Секр. архив, 1830 г., д. 55. "Новый Свет и законы его", кн. 1.
[66] Там же, кн. 7, л. 1–2.
[67] Там же, л. 3.
[68] Там же, л. 6–7.
[69] Там же, кн. 6, л. 19–21.
[70] Там же, кн. 1.
[71] Там же, л. 26.
[72] Там же, кн. 7, л. 24.
[73] Там же, кн. 3, л. 5.
[74] Там же.
[75] Там же, кн. 1.
[76] Там же, кн. 3, л. 11.
[77] Там же, кн. 1; 2.
[78] Там же, кн. 3, л. 7.

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРУДАХ И.В. КИРЕЕВСКОГО

З.В. Смирнова

Когда авторы философских систем и концепций обращаются к истории философии, ими движет, как правило, не только естественный интерес к историческому развитию мысли. Мотивы их могут быть различны – от желания найти опору в определенной философской традиции до намерения противопоставить свои взгляды всем уста-